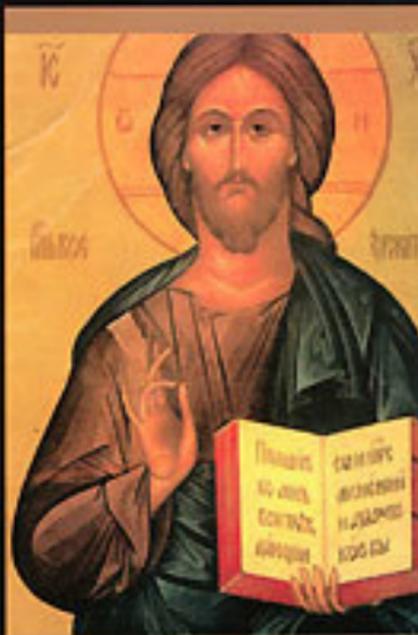

ЖИЗНЬ ИИСУСА

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Э. РЕНАН

Эрнест Жозеф Ренан

Жизнь Иисуса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146125

Э. Ренан. Жизнь Иисуса: Феникс; Ростов-на-Дону; 2004

ISBN 5-222-05292-3

Аннотация

Книга Э.Ренана «Жизнь Иисуса» посвящена основателю христианства Иисусу Христу. В легкой, доступной широкому читателю художественной форме выдающийся французский историк христианства, талантливый писатель раскрывает внутренний мир Христа, знакомит с широким кругом его последователей и врагов, изображает исторические условия жизни древней Иудеи. Едва ли можно назвать другую книгу, которая оказала бы большее влияние на писателей, художников конца 19-го – начала 20 в., пожелавших познать суть великого учения, чем труд Э.Ренана.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эрнест Ренан

Жизнь Иисуса

*Светлой памяти моей сестры Генриетты, почившей
в Библосе 24 сентября 1861 г.*

Помнишь ли ты, в лучшем из миров, о долгих днях, проведенных нами в уединении в Газире, когда я писал эти страницы, проникнутые впечатлениями о местах, которые мы вместе посетили? У наших ног расстилались море, деревни, лощины, горы. Ты молча сидела возле меня, перечитывала каждую страницу и переписывала ее тотчас же, едва она была написана. Когда же яркое солнце уступало место бесчисленной армии звезд, ты своими тонкими и осторожными вопросами, своими скромными сомнениями вновь возвращала меня к высокому предмету наших общих дум. Ты мне сказала однажды, что всегда будешь любить эту книгу, во-первых, потому, что она была написана вместе с тобой, а затем потому, что она пришлась тебе по душе. Если ты и боялась узких суждений о ней легкомысленных людей, то ты всегда была уверена, что она в конце концов понравится истинно религиозным людям. И вот во время этих сладких размышлений нас коснулась своим крылом смерть: одновременно мы впали в забытие от болезни, и я пришел в себя уже одиноким. Теперь ты почиваешь в земле Адониса близ священного Библоса и тех святых вод, у которых проливали слезы жен-

щины времен древних мистерий. Открой же мне, мой добрый гений, мне, которого ты так любила, те истины, которые побеждают смерть, рассеивают страх перед нею и дают возможность почти полюбить ее.

Глава первая

Место Иисуса во всемирной истории. – Детство и юность Иисуса. Его первые впечатления

Важнейшим событием всемирной истории является тот переворот, при посредстве которого благороднейшие расы человечества перешли от древних религий, объединенных не совсем определенным термином «языческие», к религии новой, основанной на понятии о единстве божества, троичности и воплощении Сына Божьего. Для осуществления этого перехода потребовалось около тысячи лет; и прошло, по крайней мере, три столетия, пока новая религия сложилась окончательно. Исходной же точкой переворота, о котором здесь идет речь, послужил факт, совершившийся в царствование римских императоров Августа и Тиберия. В это время жил гениальный человек, который своей смелой инициативой, обаянием своей высокой личности создал самый объект и указал исходную точку новой веры человечества.

Иисус родился в Назарете, небольшом городке Галилеи, который до него был совершенно неизвестен. Всю жизнь его звали назарянином, если же впоследствии легенда и произвела его из Вифлеема, то лишь благодаря значительной на-

тяжке. Мы далее увидим, для чего была сделана эта подта-
совка и почему она была необходимым следствием припи-
санной Иисусу роли Мессии. Год рождения его точно не из-
вестен. Он родился в царствование Августа, вероятно, око-
ло 750 года римского летосчисления, т. е., по-видимому,
несколькими годами раньше первого года христианской эры,
которая всеми цивилизованными народами принята для сче-
та лет от предполагаемого дня его рождения. Данное ему
имя Иисус представляет популярное искажение имени Ие-
шуа, и было одним из обычных; но впоследствии, разумеет-
ся, и в нем стали искать таинственный смысл и намек на его
призвание Спасителя. Возможно, что и его самого, как всех
мистиков, воодушевляла подобная мысль. История знает не
один пример, когда имя, данное ребенку без всякой задней
мысли, служило поводом для великой исторической миссии.
Пламенные натуры ни за что не хотят видеть во всем, касаю-
щемся их, простой случай. Вся их судьба уже наперед пред-
определена Богом; знак высшего промысла они усматривают
в самых ничтожных обстоятельствах.

Население Галилеи было весьма разнообразно, что видно
из самого названия этой страны. В ней в эпоху Иисуса жи-
ло множество неиудеев (финикияне, сирийцы, арабы и даже
греки). Обращения в иудейскую веру в стране с таким сме-
шанным населением были нередки. А потому и невозможно
возбудить здесь вопроса о расе и разыскивать, какая кровь
текла в жилах того, кто сам более всех содействовал искоре-

нению кровных различий в человечестве.

Родом он был простолюдин. Отец его Иосиф и мать Мария принадлежали к среднему классу и были ремесленниками, содержащими себя трудами рук своих, – положение весьма обыкновенное на Востоке, которое не может назваться ни благосостоянием, ни крайней нуждой. Чрезвычайная простота жизни в этом крае, устраняя потребность в роскоши, как бы уничтожает преимущества богача и обращает всех в добровольных бедняков. С другой стороны, полное отсутствие художественного вкуса и всякого влечения к искусственному украшению материальной жизни придает жилищу людей, которые, собственно, ни в чем не нуждаются, какой-то вид убогости. Если оставить в стороне ту отталкивающую неопрятность, которую принес с собой в Св. Землю ислам, то можно думать, что Назарет эпохи Иисуса представлял почти такую же картину, как теперь. Мы узнаем улицы, на которых он играл ребенком, в этих каменистых, вьющихся между хат, дорожках или переулочках. Дом Иосифа имел, конечно, много сходства с теми жалкими лачужками, в которые свет проникает через дверь и которые служат одновременно мастерской, кухней и спальней; вся обстановка их состоит из циновки, нескольких подушек на полу, двух или трех глиняных горшочков и крашеного сундука.

Семья его – происходила ли она от одного или нескольких браков – была довольно многочисленная. У Иисуса были братья и сестры, из которых он был, по-видимому, стар-

ший. Все они остались в неизвестности; ибо те четыре лица, которые выдаются за его родных братьев и между которыми один Иаков получил в первые же годы развития христианства большое значение, были, собственно, двоюродными братьями Иисуса. Дело в том, что у матери Иисусовой, Марии, была сестра по имени тоже Мария, бывшая замужем за неким Алфеем или Клеопой (оба имени, по-видимому, обозначают одно лицо) и имевшая нескольких сыновей, которые играли позже среди учеников Иисуса важную роль. Эти-то двоюродные его братья, отличавшиеся привязанностью к своему юному учителю (его родные братья не веровали в него и даже были ему враждебны), и получили прозвание «братьев Господних». Родные братья Иисуса, равно как и мать его, не имели при жизни его никакого значения и стали популярны уже после его смерти. Но и тогда, по-видимому, они далеко не пользовались тем уважением, как двоюродные братья, которые следовали за Иисусом более самостоятельно и отличались большей оригинальностью характера. Сами имена их забыты до такой степени, что когда евангелист в своем уставе назареев перечисляет братьев Иисусовых по плоти, то ему прежде всего вспоминаются имена сыновей Клеопы.

Иисусовы сестры вышли замуж в Назарет; там же провел и он первые годы своей юности. Назарет был маленьким городком, раскинувшимся в широкой долине, которая значительно расширяется по направлению к вершинам гор,

замыкающих с севера плоскогорье Эздрелонское. В настоящее время в нем насчитывается до трех или четырех тысяч жителей, и можно думать, что эта цифра мало изменилась с эпохи Иисусовой. Зимой там довольно холодно и климат вообще здоров. Этот городок, подобно всем еврейским местечкам того времени, был просто группой хижин, выстроенных безо всякого стиля, и представлял, без сомнения, тот общий вид, довольно печальный и бедный, который характерен для всех, вообще, селений в семитических странах. Дома, по-видимому, не слишком отличались от тех сложенных из камня, лишенных всякого украшения маленьких кубиков, какими усеяны по сие время плодоноснейшие части Ливана и которые, однако ж, среди виноградников и фиговых деревьев составляют, тем не менее, довольно приятное впечатление. Окрестности восхитительны; и едва ли найдется в мире местность более располагающая к грезам об абсолютном счастье. Даже в наше время Назарет – прелестный уголок, единственное, может быть, в Палестине место, где путешественник несколько отдыхает от тяжелого чувства, сжимающего его душу среди беспримерной пустыни. Улыбка и привет сияют на лице туземца, вся страна утопает в пышной зелени роскошных садов. Антонин Мученик, живший в конце VI века, набрасывает очаровательную картину окрестностей Назарета, которые он сравнивает с земным раем. Некоторые долины к западу от города вполне оправдывают и ныне его описание. Источник, когда-то служивший центром всей

жизни и веселья этого города, теперь уже заглох, его растрескавшиеся водоемы дают лишь мутную воду. Но красота женщин, собирающихся вокруг него и ныне по вечерам, осталась та же; красота эта, которая была замечена еще в VI веке, в которой некоторые видели особый дар Девы-Марии, сохранилась поразительно и доныне. Это сирийский тип во всей его прелести и грации. Без сомнения, некогда и Мария ходила сюда за водой с кувшином на плече и останавливалась зачастую поболтать с землячками, так и умершими в неизвестности. Антонин Мученик замечает, что еврейские женщины, в других местах столь неприязненно относящиеся к христианам, здесь, напротив, очень приветливы. Действительно, религиозная нетерпимость и в наше время не столь остра в Назарете, как в других местах Палестины.

Горизонт города тесен; но если подняться на небольшое, всегда освежаемое ветерком, плоскогорье, то перед вашими взорами развернется прелестная картина. С запада высятся живописные группы Кармельских гор, замыкающиеся крутым пиком, который точно готов опрокинуться в море. Далее виднеется возвышающаяся над городом Магедло, двойная вершина; а там – Сихемские горы со своими святынями, которые восходят древностью ко временам патриархов. Здесь горы Гельбоэ – небольшая живописная группа, с которой связаны то прелестные, то умирительные воспоминания Сулема и Аэндора. Фавор – в своей прекрасно округленной форме, напоминавшей древним женскую грудь; сквозь

ущелье между горами Сулемом и Фавором виднеются долины Иорданская и плоскогорье Перейское, образующие вместе одну сплошную линию с восточной стороны. На севере – горы Сафед, постепенно понижаясь к морю, полузаслонили Сен-Жан-д'Акр, а позади них виден как на ладони залив Кайфа. Таков был горизонт, открывавшийся очам Иисуса. Из этой-то волшебной сферы, из этой колыбели Царствия Божия смотрел он на Божий мир в течение многих лет. Даже можно сказать, что во всю жизнь свою он мало выходил из этих пределов, столь ему знакомых с раннего детства. Ибо тут же, с северной стороны, почти можно различить на фоне Гермонских гор Кесарею Филиппинскую, самый отдаленный предел его путешествий в страну язычников; а с южной, позади гор Самаринских, уже не так живописных, вы как будто предчувствуете мрачную Иудею с ее губительной атмосферой абстракции и смерти.

Если когда-либо мир, оставаясь христианским, но глубже постигнув сущность христианских начал, вздумает заменить подлинными святынями ложные и жалкие, к которым прилеплялось благочестие грубых веков, то здесь, на этих высотах Назарета, построит он свой храм. Здесь, на месте первого появления христианства, в самом центре деятельности создателя его, должен бы быть заложен храм, в котором могли бы слиться воедино молитвы всех христиан. Эта земля, скрывающая прах плотника Иосифа и тысяч безвестных, никогда не выходивших за пределы своей долины назарян, –

более всякой другой местности располагает философа к созерцанию человеческих дел, к исцелению от оскорблений, наносимых ими нашим самым дорогим чувствам божественной цели, к которой стремится мир через бесчисленные препятствия, не обращая внимания на всяческую суету.

Глава вторая

Воспитание Иисуса

Вот эта-то прекрасная, величественная природа одна и совершила все воспитание Иисуса. Он учился читать и писать, без сомнения, по восточному методу, состоящему в том, что ребенку дают книгу и заставляют повторять ее в такт с товарищами до тех пор, пока он не выучит наизусть. Сомнительно, однако, чтоб он понимал еврейские книги на подлинном их языке. Он приводит иногда тексты из них, но как это видно из сказаний его биографов, на арамейском языке. Принципы его экзегетики, сколько мы можем о них судить по экзегетике его учеников, имели много общего с бывшими тогда в общем ходу и составляющими дух Таргуммима и Мидрашима.

Должность школьного учителя в маленьких еврейских городках исправлял обыкновенно гаццан или чтец синагоги. Более высокие школы книжников или соферимов Иисус посещал мало (быть может, в Назарете такой школы не было), и вообще Он не обладал ни одним из тех знаний, которые в глазах толпы дают право на ученость. Тем не менее, было бы большой ошибкой думать, что он был невежда в обыч-

ном для нас смысле этого слова. У нас школьное образование проводит глубокую черту различия в личном достоинстве между получившими и не получившими его. Но не так было на Востоке; не так было, вообще, в доброе старое время. Ныне, при нашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, человек, не прошедший школу, отличается некоторой грубостью. Это явление неведомо там, где нравственная культура и общий дух времени передаются путем беспрестанного общения людей между собою. Араб, отроду не ведавший никаких учителей, тем не менее, обнаруживает иногда значительное развитие; его шатер является известного рода открытой академией, где из взаимного общения людей, сведущих и опытных, рождается великое умственное и даже литературное движение. Изящество манер и тонкость ума не имеют на Востоке ничего общего с так называемым у нас воспитанием. Напротив, педантами и неблаговоспитанными здесь как раз и считают люди ученых. В этом общественном строе невежество, которое у нас почти всегда отталкивает человека в низший слой общества, там, наоборот, есть существенное условие великих дел великой оригинальности.

Мало также вероятно, чтоб Иисус знал по-гречески. Этот язык был слабо распространен в Иудее, за исключением правящих классов и населенных язычниками городов, как, например, Кесарея. Обычным языком Иисуса было смешанное с еврейским сирийское наречие, на котором тогда говорила

Палестина. Еще менее оснований думать, чтоб он был знаком с греческой культурой. Греческая наука была в большом гонении у палестинских учителей, которые за одно проклинали «того, кто разводит свиней, и того, кто учит сына греческой премудрости». Во всяком случае, эта наука не проникала в такие маленькие городки, как Назарет. Конечно, несмотря на анафему ортодоксов, были в то время и такие иудеи, которые уже восприняли и усвоили себе греческую культуру. Не говоря об иудейской школе Египта, где еще за двести лет перед тем делались попытки к слиянию эллинизма с иудаизмом, один еврей, Николай Дамасский, в эту именно эпоху считался одним из самых замечательных, самых ученых, самых влиятельных людей своего века. Вскоре за тем Иосифу Флавию суждено было представить другой пример еврея, совершенно эллинизированного. Но Николай был евреем разве только по происхождению, а Иосиф заявляет, что он составлял между соотечественниками исключение, и вся иудейская школа Египта, считавшаяся ересью, отделилась от Иерусалима в такой степени, что мы не находим о ней ни малейшего упоминания ни в Талмуде, ни в еврейском предании. Несомненно лишь одно, что в Иерусалиме греческий язык тогда изучали мало, что греческую науку находили опасной, что занятие ею считалось пристойным для рабов или для суетной прикрасы женщин. Одно лишь изучение Закона считалось почтенным и достойным серьезного мужа. Один ученый раввин на предложенный ему вопрос,

когда всего приятнее учить детей «греческой мудрости», отвечал: «в тот день и час, когда нет ни дня, ни ночи; как сказано о законе: изучай его днем и ночью».

Итак, ни прямым, ни косвенным путем ни один элемент эллинской культуры не достиг Иисуса. Вне науки иудаизма он ничего не знал; его ум сохранил ту простодушную наивность, которая всегда ослабляется обширным и многосторонним образованием. Даже в самой сфере иудаизма он остался чужд многих таких стремлений, которые шли почти параллельно с его собственными. Так, ему совершенно не известны были, с одной стороны, аскетизм ессеев и терапевтов, с другой – превосходные теории религиозной философии, созданные иудейской школой Александрии, гениальным представителем которой был в его время Филон. Встречающиеся на каждом шагу черты сходства между ним и Филоном, эти прекрасные изречения о любви к Богу, о человеколюбии, об успокоении в Боге, которые в сочинениях знаменитого александрийского мыслителя звучат отголоском евангелий, легко объясняются одинаковым направлением возвышенных умов, которое обуславливалось господствующим духом времени.

К счастью для него, он столь же мало был знаком и с уродливой схоластикой, которая преподавалась в иерусалимских синагогах и из которой скоро вышел Талмуд. Если, может быть, и случалось некоторым фарисеям заносить ее в Галилею, то он не прислушивался с их проповеди, а когда впо-

следствии ему пришлось столкнуться к этой пустой казуистикой, то она внушила ему только отвращение. Можно, впрочем, думать, что учение Гиллеля было ему небезызвестно. Гиллель за пятьдесят лет до Иисуса высказывал афоризмы, во многом сходные с Иисусовыми. По своей кротости, своему равнодушию к мирским благам, мягкости характера и по нападкам своим на лицемеров и первосвященников Гиллель был прямым учителем Иисуса, если только можно говорить об учителе у человека столь высоко оригинального.

Гораздо большее влияние имело на него чтение Ветхого Завета. Канонические священные книги распались на две главные части: Закон, т. е. Пятикнижие, и Пророки в том виде, в каком мы знаем их теперь. Обширная аллегорическая экзегетика работала над всеми этими книгами и старалась извлечь из них то, чего в них не было, но что отвечало упованиям данной эпохи. Закон, представлявший не древние постановления страны, а скорее несбыточные утопии, фантастические предписания и благочестивые подделки, относившиеся ко времени царей пиетистов, сделался неисчерпаемым источником для самых хитрых толкований с тех пор, как нация лишилась самостоятельности. Что касается пророчеств и псалмов, то сложилось убеждение, что в этих книгах каждое сколько-нибудь темное таинственное выражение относилось к Мессии, и в нем прежде всего искали тип, который должен был осуществить все национальные надежды. Иисус разделял общее влечение к этим аллегорическим тол-

кованиям, но вместе с тем, и истинная поэзия Библии, которой наивные иерусалимские толкователи совершенно не замечали, была открыта его могучему духу. Закон, по-видимому, не имел в глазах его особенного обаяния; он был убежден, что мог бы и сам дать в этом роде нечто лучшее; но религиозная поэзия псалмов как нельзя более отвечала его мягкой, лирической душе; эти священные песни в течение всей его жизни служили ему духовной пищей и ободрением. Пророки, особенно Исайя и его продолжатели в эпоху вавилонского пленения, с их пламенным красноречием, с их грезами о светлом будущем, с их негодующими обличениями, которые смягчались пленительными образами, сделались его истинными наставниками. Он без сомнения читал также многие из апокрифов, тех довольно уже поздних сочинений, авторы которых для придания им авторитета, составлявшего монополию только самых древних писателей, прикрывали свои произведения именем какого-нибудь пророка или патриарха. Одна из этих книг особенно поражала его. Это была книга Даниила, написанная неведомым еврейским энтузиастом времен Антиоха Епифана и освященная известным именем древнего мудреца, книга эта была как бы эхом Израиля за последнее время. Ее автор, истинный творец философии истории, первый имел смелость взглянуть на историческую эволюцию и на смены царств как на явления, подчиненные судьбам еврейского народа, Иисус был с детства проникнут этим высоким упованием. Возможно, что

ему знакомы были также книги Еноха, пользовавшиеся тогда авторитетом наравне со священным писанием, и другие книги в этом же роде, столь сильно возбуждавшие народное воображение. Пришествие Мессии во всей его славе и одновременно столь страшное, народы, низвергающиеся один за другим в бездну, конечное разрушение неба и земли, – все это беспрестанно рисовалось его фантазии; а так как все эти перевороты считались очень близкими, и множество людей высчитывали срок их наступления, то область сверхъестественного, в которой постоянно витали благодаря подобным видениям его мысли, стала казаться ему совершенно натуральной и простой.

Как ложны были его представления о тогдашнем мире, видно на каждом шагу из подлинных его речей. Ему мир представляется еще разделенным на царства, которые ведут между собою войны; он, по-видимому, ничего не знает ни о «римском мире», ни о новом состоянии общества, которым был славен его век. О могуществе Империи он не имел никакого определенного понятия. До него дошло одно только имя «Кесарь». Он видел, как строились в Галилее или ее окрестностях: Тивериада, Иулиада, Диокесарея, Кесарея, пышные сооружения иродов, старавшихся этими великолепными постройками выразить свое восхищение перед римской цивилизацией и свою преданность членам фамилии Августа; ныне, по странному капризу судьбы, искаженные имена этих городов служат названиями ничтожных бедуинских поселков.

Он знал, вероятно, что Себасту, создание Ирода Великого, показательный город, развалины которого имеют такой вид, точно все эти украшения были привезены сюда совершенно готовыми, и их оставалось только расставить на месте, как декорации. Эта архитектура тщеславия, привезенная в Иудею из заморских стран, эти сотни колонн, все одного диаметра, годные для украшения разве какой-нибудь пошлой «улицы Риволи», – вот что он называл «царствами мира его и всей их славой». Эта роскошь, созданная по заказу, это казенное искусство были ему не по душе. Он гораздо более любил свои галилейские деревни, где беспорядочно перемешивались хижинки, хозяйственные постройки, высеченные в скалах, виноградные тиски, колодцы, гробницы, фиговые и масличные сады. Он держался всегда ближе к природе. Царский двор представлялся ему наполненным придворными, разряженными в дорогие, блестящие платья. Милые несообразности, которыми изобилуют его притчи, как только на сцене появляются цари или сильные мира сего, доказывают, что аристократическое общество он представляет себе как деревенский юноша, который смотрит на «свет» сквозь призму своей наивности.

Еще менее знакомо было ему важное завоевание греческой науки, эта основа всякой философии, вполне подтверждаемая всем современным знанием: идея, заключавшаяся в отрицании сверхъестественных сил, которым простодушная вера древнейших времен приписывала управление вселен-

ной. Почти за сто лет до него Лукреций превосходно формулировал идею незыблемости общего закона природы. Отрицание чудес, мысль, что все в мире происходит согласно естественным законам, нарушить которые никакие высшие существа не могут, – эта мысль тогда была уже общим достоянием великих школ во всех странах, познакомившихся с греческой культурой. Быть может, не чужда она была даже Вавилону и Персии. Но об этих завоеваниях науки Иисус ничего не знал. Несмотря на то, что он родился в эпоху, когда уже провозглашен был принцип положительного знания, однако ж, он жил в области сверхъестественного.

Может быть, никогда еще не была в евреях так сильна жажда к чудесному. Даже Филон, живший в крупном центре тогдашнего интеллектуального мира и получивший очень широкое образование, не чужд самых вздорных и низкопробных суеверий.

Иисус ничем не отличался в этом отношении от своих земляков. Он верил в дьявола, которого считал каким-то гением зла, и вместе со всеми воображал, что нервные болезни являются делом демонов, которые овладевают больным и волнуют его. Чудесное не казалось ему исключением, оно было для него нормальным. Понятие о сверхъестественном и о его невозможности является на свет лишь со дня рождения экспериментального естествознания. Кто не имеет никакого понятия о физике, кто думает, что молитвой можно изменить движение облаков, остановить болезнь и саму

смерть, тот не видит в чудесах ничего особенно странного, потому что весь мировой порядок кажется ему зависящим от произвола Божества. Такое умственное состояние было для Иисуса постоянным. Но на его великую душу эти верования производили действие совершенно обратное тому, какое они имеют на рядовых людей. У последних вера в непосредственное вмешательство Божие обыкновенно вызывает простодушное легкоеверие и шарлатанские плутни. У него, напротив, она выражалась в глубоком сознании самых близких отношений человека к Богу и в преувеличенном благодаря этому доверии к могуществу человека – дивная ошибка, таившая в себе источник его силы! Ибо если она и должна была со временем повредить ему в глазах физика и химика, то она давала ему над современниками такую власть, какую не обладал еще ни один смертный ни до, ни после него.

Уже в раннем возрасте обнаружился его оригинальный характер. Легенда с удовольствием повествует о том, как он еще двенадцатилетним отроком восстал против родительской власти и как ради своего призвания не задумался свернуть с проторенного пути. Положительно известно, по крайней мере, то, что родственные отношения имели для него мало значения. В своей семье он, по-видимому, не пользовался любовью, а по временам и сам бывал к ней не слишком нежен. Иисус, как и все люди, преданные исключительно своей идее, ни во что не ставил кровные узы. Единственная связь, которую признают такие натуры между людьми,

это идейная связь. «Вот мать моя и братья мои, – говорил он, указывая на своих учеников, – ибо кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать». Простодушная толпа не могла понять этого, и однажды, говорят, какая-то женщина, проходя мимо него, воскликнула: «Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшие!» – «Блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его!» – ответил он на это. Скоро в этом смелом отрицании природы он должен был сделать еще шаг вперед; и мы увидим, как он потом отвергнет все земное, узы крови, любовь, отчизну, и не оставит в душе места ничему, кроме идеи, представлявшейся ему в абсолютной форме добра и истины.

Глава третья

Мир идей, в котором развивался Иисус

Как застывшая земля уже не позволяет вскрыть механизм первоначального творения вследствие того, что проникавший ее огонь давно погас, точно так же и самые продуманные объяснения всегда оказываются в чем-нибудь неудовлетворительными, когда дело идет о применении наших скромных методов анализа к переворотам творческих эпох, определивших судьбы человечества.

Иисус жил в один из тех моментов, когда социальная борьба ведется, так сказать, в открытую, когда общественный деятель бросает на карту ставку, увеличенную во сто крат. В эти моменты каждый, взявший на себя ответственную роль, рискует жизнью, ибо подобные движения предполагают такой размах, такое отсутствие всякой предосторожности, которые немислимы без страшного по силе противовеса. Теперь человек рискует немногим, но и выигрывает немного.

Грандиозная мечта в течение многих веков жила в еврейском народе, она и обновляла его всегда в моменты падения. Чуждая теории о личном возмездии, известной в Гре-

ции под именем бессмертия души, Иудея всю силу любви и упований сконцентрировала на своем национальном будущем. Она верила, что божественным промыслом ей уготована безграничная слава. Но горькая действительность уже с IX столетия до Р. Х. все более и более сурово напоминала евреям, что царство мира сего еще не отошло в вечность; они все яснее и яснее убеждались в полном крушении всех своих надежд, – и вот, в отчаянии мысль их стремится сочетать самые непримиримые идеи, бросается в область самых экстравагантных фантазий. Еще до вавилонского пленения, когда земному господству Иудеи был нанесен окончательный удар отделением от нее северных колен, родилась мечта о восстановлении дома Давидова, о воссоединении обеих частей народа, о грядущем торжестве теократии и о победе культа Иеговы над языческими религиями. Великий поэт эпохи пленения рисовал в столь дивных красках великолепие будущего Иерусалима, обратившего самые отдаленные народы и острова в своих данников, что можно думать, будто луч света из глаз Иисусовых проник в его душу через расстояние целых шести веков.

Победа Кира казалась некоторое время осуществлением всех этих надежд. Степенные почитатели Авесты с одной стороны, и поклонники Иеговы – с другой, возомнили себя братьями. Персия, изгнав многочисленных «дэвов» и превратив их в демонов («дивов»), кое-как выработала из древних арийских фантазий, по существу своему натуралистиче-

ских, нечто похожее на монотеизм. Пророческий тон многих учений Ирана имел большое сходство с некоторыми произведениями Осии и Исаяи. Под скипетром Ахеменидов Израиль вздохнул свободнее, а в царствование Ксеркса (Асура Библии) стал страшен для самих иранцев. Но торжествующее и зачастую насильственное вторжение в Азию цивилизации греческой и римской снова повергло его в мечтания. Теперь более чем когда-либо он стал призывать Мессию – судью и мстителя народов. Он жаждал теперь всемирного обновления, переворота, который поколебал бы мир в самых коренных его основах и всколыхнул бы его из конца в конец; лишь этого было достаточно еврею для утоления той страшной жажды мести, которую постоянно разжигало в нем ярмо унижения и сознание своего превосходства.

Лишь только Иисус начал мыслить, как сейчас же вступил в жгучую атмосферу, созданную в Палестине брожением этих идей, которые не преподавались ни в одной школе, но носились в воздухе, и душа юного реформатора уже с раннего возраста прониклась ими. Свойственные нашему времени колебания и сомнения были ему неведомы. Конечно, Иисус раз двадцать сживал на вершине Назаретской горы, где ни один современный человек не может сидеть, не чувствуя в душе какого-то тревожного раздумья о своей жизни, иногда довольно-таки пустой. Но Иисуса здесь не осаждали никакие сомнения. Свободный от эгоизма, главного источника наших печалей, настойчиво заставляющего нас искать

выгоды для нашей добродетели по ту сторону могилы, – он не думал ни о чем, кроме своего великого дела, кроме своего народа и всего человечества. Эти горы, это море, это лазурное небо, эти высокие равнины на горизонте были для него не скорбным признаком, каким они представляются душе, вопрошающей природу о своей участи, нет – для него они были определенным символом, видимым отражением невидимого мира и новых небес.

Политическим событиям своего времени Иисус никогда не придавал большого значения и, вероятно, был с ними мало знаком. Династия Иродов жила в мире, настолько для него чуждом, что он, без сомнения, знал ее только по имени. Ирод Великий умер в самый год рождения Иисуса, оставив после себя неизгладимую память, – монументы, которые своим великолепием должны были принудить даже самое неблагоприятное к нему потомство поставить его имя наряду с Соломоном, которые, тем не менее, остались незаконченными, и закончить которые было невозможно. Этот тщеславный светский человек, запутавшийся в лабиринте религиозных распрей, этот хитрый Идумеянин обладал перед толпой слепых фанатиков теми выгодами, которые дают хладнокровие и ум, не сдерживаемые никаким нравственным чувством. Но его мечта о земном царстве Израиля, если бы она даже и не была анахронизмом при тогдашнем состоянии мира, – точно так же, как и аналогичный проект Соломона, – разбилась бы о препятствия, лежавшие в самом ха-

рактуре нации. Его три сына были не более как римскими наместниками, вроде индийских раджей под владычеством англичан. Антипатр, или Антипа, тетрарх Галилеи и Переи, подданным которого Иисус оставался всю жизнь, был ленивым ничтожеством, любимцем и угодником Тиверия, слишком часто поддававшим дурному влиянию своей второй жены Иродиады. Филипп, тетрарх Гавлонитиды и Васаны, по владениям которого нередко странствовал Иисус, был гораздо более достойным правителем. Что касается Архелая, правителя Иерусалимского, то Иисус не мог его знать. Ему было около десяти лет от роду, когда этот слабый, бесхарактерный, а иногда свирепый человек был смещен Августом. Таким образом, для Иерусалима исчезли последние признаки самостоятельности. Вместе с Самарией и Идумеей Иудея образовала как бы род округа сирийской провинции, где императорским легатом был сенатор и весьма известный консул Публий Сульпиций Квириний. Целый ряд римских прокураторов – Копоний, Марк Амбивий, Анний Руф, Валерий Грат и, наконец, Понтий Пилат (26 год нашей эры), – подчиненных в важнейших вопросах императорскому легату Сирии, сменяются здесь один за другим, пытаясь разрешить все ту же задачу: потушить вулкан, сотрясавшийся под их ногами.

В самом деле, беспрестанные мятежи, возбуждаемые ревнителями Моисеева закона, продолжали возмущать Иерусалим все это время. Мятежникам угрожала неизбежная гибель; но раз дело шло о незыблемости закона, смерть

представлялась вожделенной наградой. Низвергнуть римских идолов, разрушить памятники искусства, созданные Иродами иногда с нарушением Моисеевых уставов, поднять мятеж из-за выставленных прокуратором щитов с гербами, надписи на которых представлялись идолопоклонническими – таковы были постоянные усилия фанатиков, дошедших до той степени экзальтации, при которой жизнь теряет всякую ценность. Так, Иуда, сын Сарифея, и Матфей, сын Маргалота, два очень известных законоучителя, образовали партию, смело восставшую против существующего порядка, партию, продолжавшую борьбу и после их казни. Самаритяне были охвачены такими же волнениями. Кажется, никогда еще закон не находил такого множества пламенных поклонников, как в момент, когда уже родился тот, кто явился отменить его всей властью своего гения и своей могучей души. Стали появляться «зелоты» (Канаим) или «сикарии», благочестивые убийцы, вменявшие себе в обязанность умерщвлять всякого, кто нарушал в глазах их Закон. Благодаря непреодолимой потребности этой эпохи в сверхъестественном и божественном, пользовались общим доверием и представители совершенно иного духа, таума-турги-волхвы, на которых взирали как на каких-то богоподобных существ.

Несравненно большее влияние оказало на Иисуса движение, поднятое Иудой Гавлонитом или Галилеянином. Из всех тягостей, возлагаемых Римом на вновь покоренные страны, самой непопулярной был ценз, или имущественная

перепись. Эта мера, которая всегда изумляет народности, не привыкшие к налогам, устанавливаемым центральной властью, была особенно ненавистна евреям. Уже в царствование Давида мы видим, что перепись вызвала резкие осуждения и угрозы со стороны пророков. В самом деле, перепись была основанием налога; а налог, с точки зрения чистой теократии, был почти богопротивным делом. Бог есть единственный господин, которого человек должен признавать, и потому платить подать светскому правителю, значит, некоторым образом ставить его на место Божие. Совершенно чуждая идее государства еврейская теократия из своей исходной точки делала вполне логичные конченные выводы, отвергая гражданское общество и какое бы то ни было правительство. Деньги в общественных кассах считались краденными. Объявленная в 6 году христианской эры Квиринием перепись дала новый сильный толчок этим идеям и вызвала широкое волнение. Восстание началось в северных провинциях. Некто Иуда из города Гамалы на восточном берегу Тивериадского озера и один фарисей по имени Садок, отвергая законность податей, создали многочисленную партию, которая вскоре подняла открытое восстание. Основными положениями этой школы провозглашалось, что свобода выше жизни и что никого не следует называть «Господом», ибо это имя принадлежит одному только Богу. Без сомнения, Иуда проповедовал не только это, о чем, однако, Иосиф Флавий, старающийся всегда не скомпрометировать репутацию сво-

их единоверцев, намеренно умалчивает; ибо иначе непонятно, почему столь элементарная идея дает ему в глазах еврейского историка место среди философов его нации и почему он оказывается основателем четвертой великой школы, параллельной школам фарисеев, саддукеев и ессеев. Очевидно, Иуда был главой галилейской секты, исповедовавшей мессианство и в конце концов поднявшей политическое движение. Прокуратор Колоний подавил восстание Гавлонита; но школа его уцелела и сохранила своих вождей. Под предводительством сына Иуды, Менахема, и некоего Елеазара, его родственника, она снова принимает деятельное участие в последней борьбе евреев с римлянами. Иисус, быть может, сам видел этого Иуду, столь отлично от него понимавшего еврейскую революцию; во всяком случае, он был знаком с его школой и, быть может, даже протестуя против его заблуждения, он и произнес свой знаменитый афоризм о динарии кесаря. Мудрый Иисус, далекий от всякого мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника и мечтал об ином царстве, ином освобождении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.